

И.В. Сидорчук

**Политика памяти и конструирование повседневности:
большевистский опыт 1920-х гг.***

Целью статьи является рассмотрение трансформации повседневности в послереволюционный период в контексте перестройки массовых представлений о прошлом. В задачи автора входило выявление основных путей обращения к истории повседневности в рамках выстраивания властью политики исторической памяти и описание особенностей их реализации. Источниковую базу исследования составили материалы периодической печати, публицистических изданий, касающиеся вопросов перестройки быта, а также различных фондов ЦГА СПб и ЦГАИПД СПб.

В послереволюционных условиях повседневная жизнь человека оказывалась оцениваемой в том числе и в контексте ее соотнесения с прошлым. Символический отказ от него стал составной частью строительства нового мира, что требовало дискредитации дореволюционной эпохи, ее высмеивания и очернения. Автор приходит к выводу, что успехи советской политики памяти во многом были связаны именно с принципиально иным отношением к истории – как к составляющей социальных преобразований, важной части, охватившей буквально все сферы общества культурной революции. Человек был не свободен от истории и волеяневолей ежедневно демонстрировал свое отношение к ней через привычки, общение с другими людьми, одежду, различные досуговые практики.

Ключевые слова: история повседневности, политика памяти, история досуга, городская история, историческая символика.

Il'ya V. Sidorchuk

**The politics of memory and the construction of everyday life:
the Bolshevik experience of the 1920s**

The purpose of the article is to consider the transformation of everyday life in the post-revolutionary period in the context of the restructuring of mass ideas about the past. The author's task was to identify the main ways to address the history of everyday life in the framework of building the Bolsheviks policy of historical memory and describe the features of their implementation. Source database of the research is presented by the materials of the periodical press, journalistic publications devoted to the restructur-

---

© Сидорчук И.В., 2020

© Sidorchuk Il'ya V., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32017. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-32017.

ing of everyday life, and various funds of Central state archive of Saint Petersburg and Central state archive of historical and political documents of Saint-Petersburg.

In post-revolutionary situation, the daily life of a person was evaluated including the context of its correlation with the past. Opposition to the past and its symbolic rejection have become integral parts of a “new world” building. This required discrediting the pre-revolutionary era, ridiculing it, denigrating it, and forming a picture of the “gloomy past”. The author comes to the conclusion that the success of the Soviet policy of memory was largely due to a fundamentally different attitude to history – as a component of social transformations, an important part of the Soviet cultural revolution that covered literally all spheres of society. Man was not free from history, and willing or not daily demonstrated his attitude to it through habits, communication with other people, clothing, and various leisure practices.

Key words: history of everyday life, politics of memory, history of leisure, urban history, historical symbols.

В настоящее время отмечается пристальное внимание государства к политике в области управления наследием, исторической памяти, оценке ключевых событий политической истории. Происходит их широкое освещение и вырабатываются национальные стратегии мемориализации. Традиционно востребованным остается обращение к истории вне рамок сугубо научных дискуссий при формировании международной повестки. Сложность работы с исторической памятью и историческим сознанием в значительной степени объясняется множественностью источников их комплектования. Это далеко не только «экспертные тексты» (учебная и научная литература, документальные фильмы, специализированные интернет-ресурсы и пр.), но и подчас случайные символы, которые человек выхватывает из повседневного пространства. Грамотное интегрирование в это поле желательных образов прошлого способствует искусственному созданию «мест памяти» и легитимации предлагаемой концепции истории. Все это делает актуальным обращение к историческому опыту использования исторической символики в повседневном пространстве, включающем в себя исследование государственного заказа, анализ механизмов ее конструирования и оценку общественной реакции на подобные действия власти.

Одна из особенностей политики памяти в СССР 1920–1930-х гг. – встраивание в нее не только «революционно-героической версии прошлого» [1, с. 268], но «бессобытийной истории», повседневных символов: одежды, поведенческих паттернов, привычек потребления, досуговых практик, корпоративных трудовых традиций, фольклора и

т. д. Данный опыт обращения к истории повседневности в рамках выстраивания государством политики исторической памяти, согласно выдвигаемой в настоящей работе гипотезе, качественно изменил ее, сузив возможность игнорирования обществом новой идеологии и способствуя изъятию позитивной памяти о прошлом. Целью статьи является рассмотрение трансформации повседневности в послереволюционный период в контексте перестройки массовых представлений о прошлом. В задачи автора входит выявление основных путей обращения к истории повседневности в рамках выстраивания властью политики исторической памяти, описание особенностей их реализации и возникавших при этом трудностей.

Тема исторической символики в пространстве ранней советской повседневности традиционно попадает в сферу внимания исследователей, занимающихся изучением вопросов, связанных с большевистской культурной революцией и социальной историей, а также особенностей интеграции новых норм и ценностей в советское общество. Во всех из них отмечается важность для властных идеологов и адептов нового строя выстраивания в массовом сознании дихотомии тогда/сейчас. На это, в частности, обращают внимание авторы работ, касающихся различных коммеморативных практик и организации массовых советских праздников, среди которых стоит выделить труды М. Рольфа [2; 3]. А. Коэн в своей работе исследовал отличия в политике памяти о Первой мировой войне в Советской России и среди белой эмиграции. Он обратил внимание на попытки большевистской власти разрушить коллективную память о ней, в том числе и путем отказа от создания мест памяти [4]. С.Б. Ульянова пришла к выводу, что противопоставление прошлого настоящему было составной частью хозяйственно-политических кампаний, и события прошлого актуализировались для решения насущных задач, «превращались в составную часть модели сегодняшнего дня» [5, с. 89–90; 7]. Специалисты подчеркивают, что схожие установки на очернение использовались и при освещении новых норм культуры, должных радикально отличаться от традиций и практик прошлого: принципов воспитания и образования [7], условий нового быта [8], гендерной политики [9, р. 656; 10, р. 483; 11]. К. Шоу на основе исследования деятельности Парка культуры и отдыха им. М. Горького отметила важность для его создателей противопоставить новый тип парков как идеального досугового простран-

ства советского человека дореволюционным, являвшимся местами бесцельных народных гуляний, праздности, пьянства, хулиганства и разврата [12, р. 332]. Упоминания роли исторической памяти встречаются в исследованиях, касающихся агитационно-пропагандистской политики власти в отношении различных категорий населения: детей, студенчества, рабочих и пр. [13].

Интерес также представляют работы, связанные с изучением исторической памяти на постсоветском пространстве, так как их выводы могут быть использованы и при анализе вопроса, рассматриваемого в настоящей статье. В частности, речь идет о феномене ностальгии по СССР, получившем распространение уже в 1990-е гг. и характерном не только для России, но и для республик, где власти выступают за последовательное дистанцирование от советского прошлого [14; 15]. Исследователи приходят к выводу, что эта ностальгия связана с неудовлетворенностью жизнью [16], а ее символами являются вовсе не политический строй или исторические персонажи, а во многом именно элементы повседневной жизни: продукты, вещи, торговые марки, фильмы. Н. Клумбите, изучившая популярность продуктов с брендом «советский» в Литве, метко названную ей «советским колбасным ренессансом», показывает, что рынок – это политическая арена, на которой формируются ценности, идеологии, идентичности и история [17]. Е.Ю. Зубкова, комментируя данные «Левада-центра» об отношении граждан к советскому прошлому, подчеркнула, что в современной России наблюдается «снижение доли политических (утрата принадлежности к великой державе) и экономических (разрушение единой экономической системы) мотиваций и увеличение удельного веса аргументов, связанных с условиями жизни и отношениями людей внутри социума» [18, с. 3–4]. В. Калкина обратила внимание на практики создания электронных визуальных архивов, репрезентирующих советское прошлое и являющихся символом ностальгии по нему и путем его мифологизации [19, р. 104]. При этом у части исследователей подобная избирательность, как и амнезия, обеляющая советское прошлое и позволяющая забыть о тоталитаризме, репрессиях, дефиците и других неприглядных сторонах советской истории, вызывают настороженность [20]. Таким образом, исследования об особенностях памяти о СССР в постсоветских обществах демонстрируют невозможность победы государства над общественной ностальгией по прошлому без

девальвации притягательных образов его повседневности. Еще более важным решением этого вопроса было для большевиков. Их стремление изжить позитивную память о дореволюционной России наталкивалось на недовольство населения советскими реалиями и, прежде всего, низким уровнем жизни. И если в постсоветских условиях связанная с недовольством настоящим ностальгия приводит к перемещению «золотого века» из непонятного будущего в стабильное прошлое [21, с. 91–92], то в первые советские десятилетия она могла вести от борьбы за коммунистическую утопию к дореволюционному царизму и капитализму, что категорически не устраивало власть.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные материалы. В первую очередь, внимание было обращено на советскую периодическую печать – наиболее массовые издания Петрограда/Ленинграда 1920-х гг., в которых могли рассматриваться вопросы культурной революции («Ленинградская правда», «Красная газета»), издания, освещавшие различные проблемы трансформации повседневности («Трезвость и культура», «За новый быт», «Красный спорт»), а также заводские многотиражные газеты («Электросила», «Балтиец», «Красный треугольник»). Кроме этого, использовались отдельные публицистические издания, освещавшие вопросы перестройки быта. Неопубликованные источники представлены материалами фондов Ленинградского областного совета профессиональных союзов и Ленинградского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, а также фонда Партийного комитета Ленинградского государственного университета, расположенного в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга.

При написании работы использовались визуальные методы анализа истории и антропологии и истории повседневности, а также устоявшаяся терминология и исследовательский инструментарий, выработанные в области *memory studies*, для которых характерна исследовательская междисциплинарность. Активно применялись методы «новой культурной истории», исторической антропологии и кросс-культурных исследований. Привлекались междисциплинарные практики, позволяющие существенно улучшить работу с источниками и раскрыть феномен культуры повседневности и досуга. Применительно к

исследованию реакции общества на навязывание властью тех или иных исторических символов актуальным было обращение к методике изучения повседневности, разработанной А. Людке.

Отказ от символов, норм и ценностей, нравов и привычек прошлого по замыслу советских пропагандистов должен был стать неотъемлемым рефреном культурной революции. Не представлялось возможным строить будущее со старой психологией, ведь «революция призвана не только по-новому устроить мир, но и создать новых людей, очистить человека от всего того, что пристало к нему, в него проникло от долгих столетий подневольного существования» [22, с. 58]. Предполагалось, что с годами вопрос будет становиться все более актуальным, ведь «чем дальше, тем больше социалистическому строительству д о з а р е з у нужен будет этот новый человек» [22, с. 60]. «Старый мир в боях разбит, / Но в быту он ноет. / Новый быт на старый быт / Выходи войною!» [23] – подобными агитчастушками печать подбадривала население, однако борьба с прошлым на этом фронте предполагалась еще более продолжительной, чем на полях Гражданской. Можно было сколько угодно призывать разрушить старый мир с наскока, чапаевской конной атакой, однако в реальности это было сделать невозможно. Требовалась последовательная, многолетняя и продуманная кампания: «Новое борется со старым. Старый быт не отдает без боя ни одной позиции. Новое наступает и отступает. Завоевывается шаг за шагом завод, фабрика, район, семья» [24, с. 10].

Повседневная жизнь человека впервые оказывалась оцениваемой в том числе и в контексте ее соотнесения с прошлым. Говоря о визуальных символах нового городского пространства, обычно упоминают монументальную пропаганду, повсеместные лозунги, политизированные массовые мероприятия и пр. При этом не менее важным был, например, внешний вид самих горожан, способных стать как свидетелями победы нового, так и ее активными участниками. Одежда отныне могла подчеркивать не только социальный статус человека, его вкус и индивидуальность, но и давать понять о его выборе в пользу настоящего или прошлого. В вузах оппозиционно настроенное студенчество демонстративно использовало при обращении друг к другу слово «коллега» и носило дореволюционную форму [25]. После чистки 1924 г. стало заметно преобладание красного студенчества, и это можно было установить хотя бы по их внешнему облику. Схожая ситу-

ация наблюдалась и на предприятиях, где инженеры носили форменные фуражки, подчеркивая свой высокий по сравнению с рабочими статус. Активная борьба с подобной традицией развернулась в период первой пятилетки. Так, газета ленинградского завода «Электросила» в 1929 г. сообщала: «Форма в ВУЗе отменена, исчезли “студенческие” куртки с погонями и прочими атрибутами, исчезла отличительная форма горняка от путейца, политехника и т.д. Но все живет и продолжает здравствовать фуражка, – фуражка инженера и техника, которая создает своим отличием от другого головного убора грань между рабочими и инж.-техн. персоналом» [26]. Там же приводилось письмо неравнодушного сотрудника завода: «По-моему следует помимо отмены этих форменных фуражек, составляющих пережиток царской эпохи, стремившейся отделять касты привилегированных от прочих смертных, узаконить гражданское слово “товарищ”, тщательно избегаемое этой же группой. Для них – назвать инженера “товарищ” и обратиться к нему с этим революционным званием – не “этично”. Этот умирающий пережиток бывшей дворянской этики надо изжить и на всякого трудящегося смотреть, как на товарища» [27]. Подчеркивалось, что унаследованное с дореволюционных времен «вы и мы» во многом и создается из таких мелочей, как ношение шляпы [28].

Не меньшей символикой обладала и женская одежда. Независимая советская женщина завязывала концы косынки на затылке, а не под подбородком, как делали смиренные жертвы патриархата прошлого. Разумеется, приветствовался красный цвет, по крайней мере в новые праздничные дни. Так, на заседании делегатов от работниц и служащих Ленинградского университета было принято решение явиться в красных платках на первомайскую демонстрацию 1924 г. [29]. Лингвист И.М. Дьяконов, вспоминая свое обучение в том же университете в начале 1930-х гг., писал: «...шляпки носили только некоторые “барышни” с языковедческого, которых мы все за то и презирали, – настоящие девушки ходили в беретах или платках» [30, с. 283]. Доставалось и простым работницам, которых за шляпки и прочие наряды, косметику и украшения обвиняли в несознательности и мелкобуржуазности.

Одновременно проводилась большая работа, направленная на освобождение женщины, ее эмансипацию и просвещение. Воспоминания о прошлом включали в себя не только описания многочасового

рабочего дня, отсутствия детских садов и низкой, в сравнении с мужчинами, оплаты труда, но и повседневного презрения со стороны мужчин и начальства. Отныне случаи насмешек в адрес работниц, приставаний, бросания «реплик», свиста, советов выйти замуж, а не заниматься мужским трудом в цеху, резко осуждались [31]. Одинаково неприемлемыми новой моралью признавались как обращение «барышня», так и «баба» («И кличка “бабы” позабыта, / Товарищ нам она теперь») [32]. Принятые раньше отношения между полами требовали переосмысления. В буржуазном обществе женщина признавалась «самкой», а у рабочего и крестьянина – «рабочей скотиной и родильной машиной». Новая общественность же «стирает старые перегородки и в том числе половую между мужчиной и женщиной», идет против идеологии, «прививаемой им уходящими из жизни бабушками, дедушками» [33].

Унизительным для женщины признавался и обычай целовать руку, который «в буржуазно-мещанском обществе» «считается хорошим тоном»: «Совслужащим надо проникнуться чувством серьезного отношения к женщине и не унижать ее, целуя руку. Надо относиться к ней как к равному, как к товарищу. Целование ручки – устаревший обычай, и его надо бросить. Сознательной женщине он никакого удовольствия дать не может, а что он вреден в гигиеническом отношении, в этом нет сомнения» [34].

Упоминание гигиены является весьма показательным. Борьба за нее была едва ли не важнейшей составляющей процесса аккультурации населения, начатого большевистской властью. О необходимости соблюдения правил личной гигиены, правильного питания, мытья тела и проветривания жилых помещений сообщалось в печати, с трибун на собраниях, с пропагандистских плакатов. Больное и нездоровое тело становилось еще одним символом дореволюционной повседневности и актуальной для постреволюционных условий проблемой: «Предшествовавшие условия жизни и труда пролетариата, порожденные капиталистической эксплуатацией, настолько глубоко расшатали здоровье рабочего класса и трудового крестьянства, что перед Республикой самой неотложной задачей встает вопрос об исправлении этих серьезных повреждений» [35]. Возрождению здоровья советского человека должны были способствовать спорт и физкультура. При этом этот процесс нельзя было предоставлять «произволу близоруких, а иной

раз вредящих (прививающих советской физкультуре традиции буржуазного спорта) специалистов-дельцов от физкультуры» [36]. Показательными были «дискуссии о чемпионстве», на которых осуждали унаследованный от «буржуазных чемпионов» индивидуализм и борьбу за рекорды, что шло в ущерб коллективизму и духу товарищества [37].

Традиции прошлого пагубно сказывались на здоровье не только взрослых, но и детей, которым не уделялось должного внимания. Правильный уход за ними предполагался в яслях, к которым некоторые матери относились настороженно. Журнал «За новый быт» представил возможный разговор у станка двух матерей с Трехгорной мануфактуры, противницы и сторонницы яслей:

«– Нет, Маша, росла я у своих и сядешь бывало за стол, начнут выпивать, а отец и мне нальет, пей мол, крепче будешь... И верно, ведь не померла...

– Эх, Дарья, Дарья... не складно говоришь ты: детей-то раньше рожали, кормили чем попало, а у детей животы вздувало, да ножки кривые, небось у всех аглицкая болезнь была¹... А в яслях и уход, и кормежка как следует...» [38].

В данном случае критика прошлого включала в себя не только пренебрежение к здоровью ребенка, но и упоминание самого распространенного порока – пьянства. Спаивание народа было традиционным обвинением в адрес царизма, а алкоголь признавался одним из пережитков: «В течение столетий господствующие слои русского общества спаивали широкие народные массы. Водка для укрепления трех китов, на которых держался строй азиатской деспотии Романовых: самодержавие, православие и народность – водка была необходима, как вода для рыбы. Пьяный царь, пьяные царские опричники, под гнусавое пение пьяных же попов цепями и батогами держали в “страхе божьем” полупьяные миллионы» [39]. Жизнь дореволюционного труженика была буквально пропитана горькой: «Рождается человек – пьют, женится – пьют, пришла получка – пьют, день отдыха – пьют и умирает – пьют. От колыбели до могилы учили пить миллионы людей» [24, с. 10]. Начало продажи водки и возрождение пьянства в условиях нэпа трактовалось как возврат к прошлому, символом чего становилось возобновление работы старых значных заведений: «Шинки и

---

¹ Рахит.

притоны снова выросли в последнее время на своих старых довоенных местах» [40].

Пьянство было неотъемлемым спутником праздников, в частности церковных, чем советская пропаганда активно пользовалась: «Сначала долгие недели поста, воздержания, а потом несколько дней буйного обжорства, пьяного разгула. Так в старину праздновали “св. пасху”» [41]. Подобная связь пьянства с религией позволяла объявить их одинаково неприемлемыми дикими традициями прошлого, которые должны отмереть: «Но до сих пор еще живут старые привычки в быту, до сих пор держится праздничная пьянка, нанося великий ущерб хозяйству пролетарской страны. <...> Мы должны бороться с этим пьяным наследием дикарского прошлого. Мы не можем мириться с существованием пьянства, освещаемого религией во имя интересов нэпманов и кулаков, в целях торможения социалистической стройки» [42]. Церкви припоминали и поддержку белых в Гражданской войне: «Мы помним, как попы и сектанты организовали “христовы батальоны” у Колчака и слали меткие пули в своих “любимых ближних” – в восставших рабочих и крестьян» [43].

С прошлым связывались и всевозможные другие распространенные девиации. Хулиганство и матерщина – «худшее наследие капиталистического строя» [44]. Курение, отравляющее «юношество с 10–12-летнего возраста» – пережиток «старого быта» [24, с. 7]. «Неряшливость и распущенность», «сквернословие» – «гримасы культурной отсталости некоторой части наших рабочих» [45]. В старом мире должна была остаться и проституция с сопровождаемыми ее наркоманией и венерическими болезнями: «От водки к “марафету”, / От триппера к “дурной”. / Надежды больше нету, / Конец! Конец? Поймай / Ужели все, как прежде? / Ужель в эс-эс-эс-эр / Нет для нее надежды? / Ведь есть же диспансер!» [46]. Примечательно, что при разработке агитационных и культурных мер по борьбе с проституцией указывалось, что занимающиеся ею органы «должны бороться против старой двойственной морали» [47, л. 1].

Если постараться найти одно ключевое слово, которым большевистская власть описывала повседневность прошлого, то им могло бы стать «грязь». В частности, именно к нему обратился В.И. Ленин, объясняя делегатам Всероссийского съезда профессиональных союзов 20 января 1919 г. особенности строительства нового общества: «Ра-

бочий никогда не был отделен от старого общества китайской стеной. И у него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно» [48, с. 449]. «Грязью» объявлялись «индивидуализм, мещанство, обывательщина, чиновничество, бюрократизм, бытовая распушенность, несознательное отношение к труду, отсутствие трудовой культуры» [22, с. 62], постепенно же появляющиеся ростки нового сознания – золотом: «Новое рассыпано золотыми зернами в людских песках городов и деревень. <...> Через людской поток, пропускаемый в кино и театрах республики, проходит культурный электрический ток. Часто аудитория раскалывается на несколько непримиримых лагерей. Старое кажется более мерзким и отвратительным, чем когда бы то ни было» [24, с. 16]. При этом символическая «грязь» должна была существовать вместе с самой настоящей. Как показал В. Маяковский в пьесе «Клоп», в «затхлых матрацах времени» «обывателиус вульгарис» должен остаться вместе с «клопус нормалис», а условием построения прекрасного будущего является ликвидация не только мещанства, но и насекомых-паразитов. Не зря новые дома для рабочих воспевались такими стихами: «Прощайте грязь и тучи пыли. / Адью блоха, прусак и клоп / Вам приготовил крепкий гроб / Товарищ наш жилстройкооп!» [49].

Противопоставление прошлому, символический отказ от него стали составными частями строительства нового мира, что требовало дискредитации дореволюционной эпохи, ее высмеивания и очернения. Сделать это лишь путем включения в список очевидных исторических символов вроде фигуры Николая II и его предков, известных думских депутатов, каких-либо абстрактных «черносотенцев» и двухглавого орла с коронами было недостаточно. Царизм и капитализм должны были ассоциативно связываться с грязью, зловонием, преступлениями, болезнями, насилием и безнравственностью, сформировавшими, по утверждению пропаганды, ежедневный мир жителя старой России. Если описания революционной борьбы, гротескные образы монархов и угнетателей использовались для мобилизации праведного гнева, ненависти к ним и возмущения царившей несправедливо-

стью, то повседневность – для вызова презрения, отвращения, брезгливости и омерзения.

Советская политика памяти, основные механизмы формирования которой были сформированы в 1920–1930-х гг., как и советская пропаганда в целом, смогла добиться значительных успехов. Косвенно об этом свидетельствует и сохраняющаяся до сих пор ностальгия по советскому прошлому, избирательность памяти о нем, зачастую предпочитающая сохранять его позитивный образ. Осмелимся предположить, что эти успехи во многом были связаны именно с принципиально иным отношением к истории как составляющей социальных преобразований, важной части культурной революции, охватившей буквально все сферы общества. Человек был не свободен от истории и волей-неволей ежедневно демонстрировал свое отношение к ней: через ношение дореволюционной форменной фуражки или «буржуазных» нарядов, занятие физкультурой, использование обращения «товарищ» к лицу противоположного пола и т. д. В рамках советской пропаганды повседневность не существовала без памяти о прошлом, а память о прошлом – без повседневности.

Список литературы

1. Кознова И.Е. Прошлое в пространстве советской культуры и политики // Ярославский пед. вестн. – 2016. – № 4. – С. 266–271.
2. Rolf M., Klohr C. Soviet mass festivals, 1917–1991. – University of Pittsburgh Press, 2003. – 336 p.
3. Rolf M. The Soviet mass festival under Stalinism (1932–1941) [Das Sowjetische massenfest im Stalinismus (1932–1941)] // Geschichte und Gesellschaft. – 2006. – Vol. 32. – No. 1. – P. 69–92.
4. Aaron J. Cohen Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review. – 2003. – Vol. 62. – No. 1. – P. 69–86.
5. Ульянова С.Б. «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. – СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2006. – 529 с.
6. Ульянова С.Б. Первое десятилетие Октября в системе советской пропаганды // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2. История. – 2007. – Вып. 2. – С. 157–162.
7. Сидорчук И.В. Институт народов Севера в контексте проблемы институционализации новых научных учреждений в 1920-х гг. // Россия в глобальном мире. – 2017. – № 10 (33). – С. 39–47.
8. Gorsuch A.E. Soviet youth and the politics of popular culture during NEP // Social History. – 1992. – Vol. 17. – No. 2. – P. 189–201.
9. Gorsuch A.E. “A Woman is Not a Man”: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921–1928 // Slavic Review. – 1996. – Vol. 55. – No. 3. – P. 636–660.
10. Kravets O., Sandikçi Ö. Marketing for Socialism: Soviet Cosmetics in the 1930s // The Business History Review. – 2013. – Vol. 87. – No. 3. – P. 461–487.

11. Сидорчук И.В. От «декольтированных фей» до «друга и товарища»: к истории женского политехнического образования в России // История политехнического образования в России: тр. Всерос. науч.-образовательной конф. с междунар. участием, С.-Петербург, 28 февр. 2019 г. – СПб.: Политех-пресс, 2019. – С. 91–98.
12. Shaw C. “A fairground for ‘building the new man’”: Gorky Park as a site of Soviet acculturation // *Urban History*. – 2011. – Vol. 38. – No. 2. – P. 324–344.
13. Konecny P. Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–38 // *Journal of Social History*. – 1996. – Vol. – 30. – No. 1. – P. 97–128.
14. Melchior I. On the Margins of History: Good Old Soviet Times // Melchior I. *Guardians of Living History. An Ethnography of Post-Soviet Memory Making in Estonia*. – Amsterdam University Press, 2020. – P. 129–162.
15. Cusco A. The “Politics of Memory” and “Historical Policy” in Post-Soviet Moldova // Miller A. and Lipman M. (Eds.) *Convolutions of Historical Politics*. – Central European University Press, 2012. – P. 155–198.
16. Klumbyté N. Memory, Identity, and Citizenship in Lithuania // *Journal of Baltic Studies*. – 2010. – Vol. 41. – No. 3. Special Issue: Memory and Democratic Pluralism in the Baltic States – Rethinking the Relationship. – P. 295–313.
17. Klumbyté N. The Soviet Sausage Renaissance // *American Anthropologist*. – 2010. – Vol. 112. – No. 1. – P. 22–37.
18. Зубкова Е.Ю. Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // *Рос. история*. – 2019. – № 5. – С. 3–14.
19. Kalkina V. Soviet memory on the Internet: online visual archives of the Soviet past // *New Zealand Slavonic Journal*. – 2013–2014. – Vol. 47/48. – P. 103–124.
20. Khapaeva D. Historical Memory in Post-Soviet Gothic Society // *Social Research*. – 2009. – Vol. 76. – No. 1. – P. 359–394.
21. Шлегель Е.В. Ностальгия по непрожитому: привлекательность мифа о советском прошлом для поколения Z // *Вестн. Гуманитар. ун-та*. – 2019. – № 3(26). – С. 87–93.
22. Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. – 2-е изд. – М.; Л.: Мол. гвардия, 1928. – 140 с.
23. С.Т. Про здрав'ячейку. Частушки // *За новый быт*. – 1925. – № 1. – С. 5.
24. Рафаил М. За нового человека. – Л.: Прибой, 1928. – 64 с.
25. Андреев Д.А. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // *Новое лит. обозр.* – 2008. – № 2(90). – С. 45–61. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/2/krasnyj-student-i-politika-proletarizaczii-vysshej-shkoly.html>
26. Электросила. – 1929. – № 10(88). – 29 апр. – С. 4.
27. Н. Молчаливый. Покончить с пережитками дворянства // *Электросила*. – 1929. – № 10(88). – 29 апр. – С. 4.
28. Е. В шляпе ли дело? // *Электросила*. – 1929. – № 10(88). – 29 апр. – С. 4.
29. Протокол № 2 Заседания делегатов от работниц и служащих ЛГУ от 24 апреля 1924 г. // ЦГА ист.-полит. документов Санкт-Петербурга. Ф. 984. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.
30. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. – СПб.: Европейский Дом, 1995. – 770 с.
31. Одна из двух. Сильна старая привычка // *Красный треугольник*. – 1929. – № 10(49). – 4 марта. – С. 3.
32. Листок рабкора «Ленинградской правды». – 1924. – № 25. – 31 мая. – С. 4.
33. Кондурушкин И. Половая проблема // *Красная газета (вечерн. вып.)*. – 1925. – № 26(714). – 31 янв. – С. 4.

34. Железнодорожник. Не унижайте женщину! // Листок рабкора «Ленинградской правды». – 1925. – № 5(58). – 1 февр. – С. 4.
35. Берзин. Да здравствует физкультура! // Красный спорт. – 1924. – 20 авг. (экстр. вып.). – С. 1.
36. Тезисы по докладу «Состояние и основные задачи работы профсоюзов по физической культуре» // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. Р-6276. Оп. 51. Д. 79. Стенографический отчет I областной межсоюзной физкультурной конференции 15, 16 и 17 марта 1930 г. Л. 2.
37. Диспут «Нужны ли нам чемпионы в физкультуре?» 23 апреля 1928 г. В доме Профпросвещения // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 51. Д. 17. Л. 13–20 об.
38. Завкор Ершов. На Трехгорной мануфактуре. (Разговоры у станка) // За новый быт. – 1925. – № 2. – С. 11.
39. Гров. В поход на алкоголь // Красный треугольник. – 1929. – № 122. – 31 декабря. – С. 4.
40. На борьбу с пьянством // Ленингр. правда. – 1926. – № 25. – 31 янв. – С. 4.
41. Наш праздник 1-ое мая // Электросила. – 1928. – № 6. – 13 апр. – С. 2.
42. Инцертов Н. Духовная и физическая сивуха // Трезвость и культура. – 1928. – № 6. – С. 2.
43. М.Д. Рождественские колокола заглушим гулом машин // Электросила. – 1929. – № 54 (132). – 24 дек. – С. 1.
44. Листок рабкора. – 1924. – № 24. – 24 мая. – С. 1.
45. На суд общественности // Балтиец. – 1929. – № 12(122). – 5 апр. – С. 2.
46. Самет С.М. К новому быту // За новый быт. – 1928. – № 6. – С. 13.
47. Протокол междуведомственного совещания по борьбе с проституцией от 18 августа 1922 г. // ЦГА СПб. – Ф. 1000. Оп. 6. Д. 126. Л. 1–2.
48. Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. // ПСС. Т. 37. Июль 1918 – март 1919. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – С. 435–453.
49. За новый быт. – 1929. – № 5–6. – С. 10.

References

1. Koznova I.E. *Proshloe v prostranstve sovetskoj kul'tury i politiki* [The Past in the space of Soviet culture and politics] // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin]. – 2016. – No. 4. – P. 266–271.
2. Rolf M., Klohr C. *Soviet mass festivals, 1917–1991*. – University of Pittsburgh Press, 2003. – 336 p.
3. Rolf M. *The Soviet mass festival under Stalinism (1932–1941)* [Das Sowjetische massenfest im Stalinismus (1932–1941)] // *Geschichte und Gesellschaft*. – 2006. – Vol. 32. – No. 1. – P. 69–92.
4. Aaron J. Cohen *Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union* // *Slavic Review*. – 2003. – Vol. 62. – No. 1. – P. 69–86.
5. Ul'janova S.B. *«To na skaku, to na boku»: Massovye hozjajstvenno-politicheskie kampanii v petrogradskoj/leningradskoj promyshlennosti v 1921–1928 gg.* [“Now on the gallop, now on the side”: Mass economic and political campaigns in the Petrograd / Leningrad industry in 1921–1928]. – St. Petersburg: Izd-vo politehn. un-ta, 2006. – 529 p.
6. Ul'janova S.B. *Pervoe desjatiletie Oktjabrja v sisteme sovetskoj propagandy* [The First decade of October in the system of Soviet propaganda] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istorija* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Ser. 2. History]. – 2007. – No. 2. – P. 157–162.

7. Sidorchuk I.V. *Institut narodov Severa v kontekste problemy institucionalizacii novyh nauchnyh uchrezhdenij v 1920-h gg.* [Institute of the peoples of the North in the context of the problem of institutionalization of new scientific institutions in the 1920s.] // *Rossija v global'nom mire* [Russia in the global world]. – 2017. – No. 10 (33). – P. 39–47.

8. Gorsuch A.E. Soviet youth and the politics of popular culture during NEP // *Social History*. – 1992. – Vol. 17. – No. 2. – P. 189–201.

9. Gorsuch A.E. “A Woman is Not a Man”: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921-1928 // *Slavic Review*. – 1996. – Vol. 55. – No. 3. – P. 636–660.

10. Kravets O., Sandikçi Ö. Marketing for Socialism: Soviet Cosmetics in the 1930s // *The Business History Review*. – 2013. – Vol. 87. – No. 3. – P. 461–487.

11. Sidorchuk I.V. *Ot «dekol'tirovannyh fej» do «druga i tovarishha»: k istorii zhenskogo politehnicheskogo obrazovanija v Rossii* [From “fairies in decolletage” to “friend and comrade”: the history of women's Polytechnic education in Russia] // *Istorija politehnicheskogo obrazovanija v Rossii: trudy Vserossijskoj nauchno-obrazovatel'noj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, S.-Peterburg, 28 fevralja 2019 g.* [History of Polytechnic education in Russia: proceedings of the all-Russian scientific and educational conference with international participation, St. Petersburg, February 28] – St. Petersburg: Politeh-press, 2019. – P. 91–98.

12. Shaw C. “A fairground for ‘building the new man’”: Gorky Park as a site of Soviet acculturation // *Urban History*. – 2011. – Vol. 38. – No. 2. – P. 324–344.

13. Konecny P. Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–38 // *Journal of Social History*. – 1996. – Vol. – 30. – No. 1. – P. 97–128.

14. Melchior I. *On the Margins of History: Good Old Soviet Times* // Melchior I. *Guardians of Living History. An Ethnography of Post-Soviet Memory Making in Estonia*. – Amsterdam University Press, 2020. – P. 129–162.

15. Cusco A. The “Politics of Memory” and “Historical Policy” in Post-Soviet Moldova // Miller A. and Lipman M. (Eds.) *Convolutions of Historical Politics*. – Central European University Press, 2012. – P. 155–198.

16. Klumbyté N. Memory, Identity, and Citizenship in Lithuania // *Journal of Baltic Studies*. – 2010. – Vol. 41. – No. 3. Special Issue: Memory and Democratic Pluralism in the Baltic States – Rethinking the Relationship. – P. 295–313.

17. Klumbyté N. The Soviet Sausage Renaissance // *American Anthropologist*. – 2010. – Vol. 112. – No. 1. – P. 22–37.

18. Zubkova E.Ju. *Sovetskaja zhizn' kak predmet istoricheskoj rekonstrukcii* [Soviet life as a subject of historical reconstruction] // *Rossijskaja istorija* [Russian history]. – 2019. – No. 5. – P. 3–14.

19. Kalkina V. Soviet memory on the Internet: online visual archives of the Soviet past // *New Zealand Slavonic Journal*. – 2013-2014. – Vol. 47/48. – P. 103–124.

20. Khapaeva D. Historical Memory in Post-Soviet Gothic Society // *Social Research*. – 2009. – Vol. 76. – No. 1. – P. 359–394.

21. Shlegel' E.V. *Nostal'gija po neprozhitomu: privlekatel'nost' mifa o sovetskom proshlom dlja pokolenija Z* [Nostalgia for the unlived: the appeal of the myth of the Soviet past for generation Z] // *Vestnik gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Humanities University]. – 2019. – No. 3(26). – P. 87–93.

22. Bobryshev I. *Melkoburzhuaznye vlijanija sredi molodezhi. Izd. 2-e.* [Petty-Bourgeois influences among youth. 2nd ed.] – Moscow; Leningrad: Molodaja gvardija, 1928. – 140 p.

23. S.T. *Pro zdrav'jachejku. Chastushki* [Pro zdrav'jachejku. Chastushki] // *Za novyj byt* [For a new mode of life]. – 1925. – No. 1. – P. 5.

24. *Rafail M. Za novogo cheloveka* [For a new man]. – Leningrad: Priboj, 1928. – 64 p.
25. *Andreev D.A. «Krasnyj student» i politika proletarizacii vysshej shkoly* [“Red student” and the politics of proletarianization of higher education] // *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. – 2008. – No. 2(90). – P. 45–61. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/2/krasnyj-student-i-politika-proletarizaczii-vysshej-shkoly.html>
26. *Jelektrosila* [Electric power]. – 1929. – No. 10(88). – 29 aprilja. – P. 4.
27. *N. Molchalivij. Pokonchit' s perezhitkami dvorjanstva* [Do away with the remnants of the nobility] // *Jelektrosila* [Electric power]. – 1929. – No. 10(88). – 29 aprilja. – P. 4.
28. *E. V shljape li delo?* [Is it in the hat?] // *Jelektrosila* [Electric power]. – 1929. – No. 10(88). – 29 aprilja. – P. 4.
29. *Protokol № 2 Zasedanija delegatov ot rabotnic i sluzhashchih LGU ot 24 aprilja 1924 g.* [Minutes # 2 of the Meeting of delegates from workers and employees of LSU from April 24, 1924] // *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central state archive of historical and political documents of Saint-Petersburg]. F. 984. Op. 1. D. 91. L. 1.
30. *D'jakonov I.M. Kniga vospominanij* [Book of memories]. – St. Petersburg: Evropejskij Dom, 1995. – 770 p.
31. *Odna iz dvuh. Sil'na staraja privychka* [One of the two. Strong old habit] // *Krasnyj treugol'nik* [Red triangle]. – 1929. – No. 10(49). – 4 marta. – P. 3.
32. *Listok rabkora “Leningradskoj pravdy”* [Sheet of rabkor “Leningradskaya Pravda”]. – 1924. – No. 25. – 31 maja. – P. 4.
33. *Kondurushkin I. Polovaja problema* [Sexual problem] // *Krasnaja gazeta. Vechernij vypusk* [The red paper. Evening edition]. – 1925. – No. 26(714). – 31 janvarja. – P. 4.
34. *Zheleznodorozhnik. Ne unizhajte zhenshhinu!* [Railway Worker. Don't humiliate a woman!] // *Listok rabkora “Leningradskoj pravdy”* [Sheet of rabkor “Leningradskaya Pravda”]. – 1925. – No. 5(58). – 1 fevralja. – P. 4.
35. *Berzin. Da zdravstvuet fizkul'tura!* [Long live physical education!] // *Krasnyj sport* [Krasny sport]. – 1924. – 20 avgusta (jektivnyj vypusk). – P. 1.
36. *Tezisy po dokladu “Sostojanie i osnovnye zadachi raboty profsojuzov po fizicheskoj kul'ture”* [Theses on the report “State and main tasks of trade unions in physical culture”] // *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb)* [Central state archive of Saint Petersburg (CSA SPb)]. F. R-6276. Op. 51. D. 79. L. 2.
37. *Disput «Nuzhny li nam chempiony v fizkul'ture?» 23 aprilja 1928 g. V dome Profprosveshhenija* [Debate “Do we need champions in physical education?”] // *CGA SPb* [CSA SPb]. F. 6276. Op. 51. D. 17. L. 13–20 ob.
38. *Zavkor Ershov. Na Trehgornoj manufakture. (Razgovory u stanka)* [At the Trekhgornaya manufactory. (Conversations at the machine)] // *Za novyj byt* [For the new mode of life]. – 1925. – No. 2. – P. 11.
39. *Grov. V pohod na alkogol'* [In an attack on alcohol] // *Krasnyj treugol'nik* [The red triangle]. – 1929. – No. 122. – 31 dekabnja. – P. 4.
40. *Na bor'bu s p'janstvom* [On the fight against drunkenness] // *Leningradskaja Pravda* [Leningradskaya truth]. – 1926. – No. 25. – 31 janvarja. – P. 4.
41. *Nash prazdnik 1-oe maja* [Our holiday on May 1] // *Jelektrosila* [Electric power]. – 1928. – No. 6. – 13 aprilja. – P. 2.
42. *Incertov N. Duhovnaja i fizicheskaja sivuha* [Spiritual and physical booze] // *Trezvost' i kul'tura* [Sobriety and culture]. – 1928. – No. 6. – P. 2.

43. *M.D. Rozhdestvenskie kolokola zaglushim gulom mashin* [Christmas bells drown out the hum of cars] // *Jelektrosila* [Electric power]. – 1929. – No. 54 (132). – 24 dekabreja. – P. 1.

44. *Listok rabkora* [Rabkor sheet]. – 1924. – No. 24. – 24 maja. – P. 1.

45. *Na sud obshhestvennosti* [On the court of the public] // *Baltiec* [Baltiets]. – 1929. – No. 12(122). – 5 aprilja. – P. 2.

46. *Samet S.M. K novomu bytu* [To a new mode of life] // *Za novyj byt* [For the new mode of life]. – 1928. – No. 6. – P. 13.

47. *Protokol mezhduevdomstvennogo soveshhanija po bor'be s prostituciej ot 18 avgusta 1922 g.* [Protocol of the interdepartmental meeting on the fight against prostitution of August 18, 1922] // *CGA SPb* [CSA SPb]. F. 1000. Op. 6. D. 126. L. 1–2.

48. *Lenin V.I. Doklad na II Vserossijskom s'ezde professional'nyh sojuzov 20 janvarja 1919 g.* [Report on the II all-Russian Congress of trade unions on January 20, 1919] // *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 37. Ijul' 1918 – mart 1919* [Complete works. Volume 37. July 1918–March 1919]. – Moscow: Izdatel'stvo politicheskij literatury, 1969. – P. 435–453.

49. *Za novyj byt* [For the new mode of life]. – 1929. – No. 5–6. – P. 10.